

**Дмитрий
МОСКИН**

г. Петрозаводск

Два поэта и «Амаравелла»

В прошлом году ушел из жизни карельский писатель, поэт и философ Юрий Линник. Мало кто знает, что Юрий Владимирович дружил с Евгением Евтушенко. Об одной из встреч этих двух мастеров слова рассказывает близкий друг Юрия Линника художник Дмитрий Москин.

В 1988 году, то есть тридцать лет тому назад, во время своего очередного приезда в Петрозаводск Евгений Евтушенко решил показать своей молодой жене Марии редкую коллекцию картин художников-космистов 1920–60-х гг. «Амаравелла», которую собрал его давний друг Юрий Линник. До этого, днем раньше, у поэта состоялась творческая встреча с книголюбями во Дворце культуры «Машиностроитель». На Евтушенко были надеты малиновые брюки, на сцене стояли стул и стол с бутылкой молока. Было все как обычно: читал стихи, отвечал на записки, пил молоко. И вот на следующий день он в гостях у Юрия Владимировича.

Я, зная, что освещение в квартире у Линника слабовато, принес для подсветки фотолампу на штативе. В гостиной, самой большой комнате четырехкомнатной квартиры, гости с хозяином присели на стулья возле стены с картинами Александра Сардана и Виктора Черноволенко. Я пофотографировал. В это время Евтушенко завел разговор о возможной выставке в Москве в ЦДЛ, которой он готов был посодествовать. Линник отказался, желая выставляться в музее им. Пушкина. Тем более что в двадцатые годы там выставка этой группы уже была и имела успех. Евтушенко с этим согласился и обещал вместе с Юрием Владимировичем сходить

к директору музея... Затем хозяин вкратце рассказал о художниках группы «Амаравелла», пострадавших в тридцатые годы, о том, что один из них – Сергей Шиголев – погиб в лагерях, что многое из наследия группы погибло, было уничтожено истинными «врагами народа» и искусства. Из картин единственного жившего на тот момент художника этой группы, также жертвы ГУЛАГа, Бориса Алексеевича Смирнова-Русецкого Евтушенко понравились его поздние работы. Поэт выразил желание побывать у художника в Москве и, возможно, что-то приобрести для своей коллекции. Позже Линник сообщил мне, что подобная встреча состоялась. Поговорить было о чем, ведь Смирнов-Русецкий лично знал Николая Рериха и был его учеником и последователем, переписывался с Василием Кандинским, за что и пострадал. Затем гости перешли в спальню, где на стенах были развешаны картины Сергея Шиголева и Бориса Смирнова-Русецкого, а также работы молодого московского художника-авангардиста Франциско Инфантэ, размещенные на... потолке. Евтушенко о нем слышал: «А, это тот испанец!» Действительно, Инфантэ был сыном одного из тех детей, которых в свое время вывезли в Советский Союз во время гражданской войны в Испании. Сейчас это один из известней-

ших художников в России, о котором, кстати, Юрий Линник написал монографию.

После осмотра изобразительных сокровищ Евтушенко перешел к книжным. В это время он работал над составлением «Антологии русской поэзии», и богатая библиотека Юрия Владимировича его весьма заинтересовала, ведь главной целью прихода к Линнику была цель поиска неизвестных изданий и стихов для антологии. Линник, как фокусник, доставал редкие и малотиражные издания известных и малоизвестных поэтов (Даниила Андреева, поэтов-биокосмистов 1920-30-х гг., заграничные издания Волошина и Северянина...). Для скорейшей переписки стихов (тогда еще не было цифровых фотоаппаратов и смартфонов) была задействована не только приглашенная специально для этого студентка-поэтесса, но и Мария, и я в том числе.

Евгений Александрович работал быстро и профессионально. Мы втроем подхватывали найденное и тут же переписывали. По ходу дела Линник «рекламировал» доставаемых из закровов забытых поэтов, «замолвливая словечко» за Кривополенову, за Давида Бурлюка и Даниила Андреева. Андреева Евтушенко оценил очень высоко. И тут же Юрий Владимирович рассказал о его мытарствах, о том, что выходила в 1960-е годы его небольшая книжечка (ее он тут же нашел и показал Евгению Евтушенко), но та последнего не заинтересовала. Линник рассказал также о двух сестрах, влюбленных в Даниила Андреева. На что Евтушенко моментально прореагировал: «Жил бы с двумя сразу!»

Работал Евгений Александрович в очках. Свет от настольной лампы выделял его лицо, живые глаза, усмешку. Иногда я отвлекался от писанины и смотрел на висящую рядом застекленную картину Сардана. Там, в его космических глубинах, фантастически отражался работавший с книгами Евтушенко.

Время от времени поэт читал стихи и спрашивал: «Маша, тебе нравятся эти стихи?» (про белогвардейские вещи Волошина.) – «Не поймут!» – «Пожалуй!»

Подсовывая редкие номера журнала «Биокосмист» со стихами, Юрий Владимирович говорил, что не знает дальнейшей судьбы их авторов. Мол, «ребята писали смело». Зашла речь об Алтае и старике Альфреде Хейдоке, жившем в Змеиногорске, который поселился там («ближе к Рериху») после отсидки. Юрий Владимирович поведал о том, что Хейдок – бывший белогвардеец, пишущий что-то свое. Есть у него почитатели, но нашлись и гонители. Местные власти делали обыск у девяностолетнего старика, отобрали у него пишущую машинку. Евгений Александрович живо отозвался на это «лирическое отступление», сказал, что жил в тех местах и работал

там корректором. Он тут же написал письмо тамошнему начальству с просьбой-требованием разобраться с вопиющим беззаконием и сообщить в секретариат СП в Москву. Линник тут же отпечатал текст и дал Евтушенко подписать. В этом деле Евгений Александрович «дал волю добрым чувствам», но тут же отказал на другую просьбу – посодействовать напечатанию-представлению группы «Амаравелла» в «Огоньке»: «Там такой бардак. С трудом пробиваю свою антологию. Коротич человек необязательный. Пообещает, но не сделает».

После двух часов работы с книгами Евтушенко попросил попить воды, размешанной с вареньем, которую Валентина Софроновна (мать Юрия Линника) и приготовила.

Я к тому времени попривык к великому творцу, осмелел и заикнулся о стихах Чижевского, с которыми в свое время меня познакомил Линник. Но Чижевского Евтушенко посчитал слабым поэтом, не достойным антологии. Чтобы «добить» гостей своими богатствами, Юрий Владимирович достал книгу Михаила Кузмина с иллюстрациями Милашевского. Евтушенко: «Я об этой книге давно слышал, но не видел». Евтушенко подозвал Машу, и они вдвоем познакомились с «вольной поэзией» и фривольными, но талантливыми рисунками редчайшего издания. Сначала Евгений Александрович читал стихи вслух, но потом примолк, и дальше просмотр шел без комментариев...

Несколько раз Маша пыталась уговорить Евтушенко остаться на два-три дня, чтобы поработать в библиотеке Юрия Линника. Но не удалось. «На посошок» поэты обменялись своими последними книгами, предварительно написав добрые слова-автографы. Воспользовавшись расслабленностью друга, Линник выпросил в качестве «довеска» английское издание книги Евтушенко, а также редкий двухтомник, который распространялся только по библиотекам и который невозможно было достать даже на черном рынке. Эти книги он вскоре привез из Москвы, побывав в гостях у Евтушенко в Переделкино, сообщив, что у того эконома и четыре собаки.

Вечер же у Линника закончился звонком Марата Тарасова, который напомнил Евтушенко о каком-то письме-документе, о встрече-чаепитии с членами редакции газеты «Ленинская правда». Чувствовалось, что поэту трудно оторваться от эрудированного собеседника и его книжных богатств, но пришлось. Евтушенко был человеком слова, я бы сказал, Слова с большой буквы.

**Евгений Евтушенко, Мария, Юрий Линник.
Фото Д.Москина. 1988 г.**

